

Вопросы экономики и права

**№ 9
2011**

Редакционный совет:

А.П. Торшин - председатель редакционного совета, заместитель Председателя Совета Федерации, кандидат юридических наук
Е.М. Ашмарина - доктор юридических наук, профессор
А.Г. Лисицын-Светланов - директор Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН
В.Н. Виктор - первый заместитель руководителя Аппарата Совета Федерации, доктор экономических наук, профессор
Ю.В. Голик - доктор юридических наук, профессор
В.А. Гамза - первый вице-президент Ассоциации региональных банков "Россия", кандидат юридических наук, кандидат экономических наук
С.Н. Сильвестров - заместитель директора Института экономики Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор
А.В. Мецеров - главный редактор журнала "Экономические науки", доктор экономических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Е.М. Ашмарина - главный редактор журнала "Вопросы экономики и права", доктор юридических наук, профессор
О.Ю. Бакаева - зав. кафедрой публично-экономического университета, доктор юридических наук, профессор
В.В. Болгова - доктор юридических наук, профессор
Ю.В. Ильин - руководитель секретариата Первого заместителя Совета Федерации
А.А. Ливеровский - декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов (ФИНЭК), доктор экономических наук, профессор
И.В. Рукавишников - декан юридического факультета Ростовского государственного экономического университета, доктор юридических наук, профессор
В.В. Симонов - начальник инспекции Счетной палаты РФ, доктор экономических наук, профессор

Подписной индекс **70180** (Агентство "Роспечать")

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС 77-31419 от 6 марта 2008 г., выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций, связи и охране культурного наследия

Журнал включен в Перечень ВАК Минобразования России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Главный редактор доктор юридических наук, профессор **Е.М. Ашмарина**

Ответственный секретарь редакции доктор юридических наук, профессор **В.В. Болгова**

Редактор *И.Н. Лошкарева*
Компьютерная правка и верстка - *О.В. Егорова*

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается

Цена договорная

Учредитель - ООО "Экономические науки"
(125252, г. Москва, Чапаевский пер., д. 3, оф. 775)

© Вопросы экономики и права, 2011

Подписано в печать 30.08.2011 г. Формат 60x84/8. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Усл. печ. л. 20,46 (22,0). Уч.-изд. л. 24,45. Заказ №

Отпечатано в издательстве ООО "24-Принт"

Научно-информационный журнал

В НОМЕРЕ:

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЭКОНОМИКИ, ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Рубаник В.Е. Зарождение отечественной традиции правового регулирования отношений собственности: право собственности в Древней Руси до Русской Правды	7
Анишина В.И., Корзина И.А. Субъекты судебной защиты местного самоуправления при обращении в Конституционный Суд Российской Федерации	18
Вдовенко А.А. Конкуренция и взаимодействие крупного и малого бизнеса	23
Горохов А.Ю. Практическая оценка качества стратегии компании	25

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО

Андреев О.С. Управление рисками на предприятиях нефтяного сектора Российской Федерации	33
Хомерики Н.Б. Отечественный и зарубежный опыт развития региональной гаражной инфраструктуры на основе государственно-частного партнерства	38
Андреев О.С. Развитие кластеров в нефтегазовом секторе экономики России	42
Рыбин А.В. Процессуальный режим: понятие и структура	47
Шевцов П.А. Разработка методики создания интегрированного показателя оценки уровня и качества жизни населения	51
Щербина Г.Ф. Управление портфелем инвестиционно-строительных проектов, реализуемым в форме квартальной застройки	56
Беглов А.Д. Стимулирование инновационного развития агропромышленного комплекса в казачьих обществах	62
Саркисов Г.И. Анализ конкурентной среды рынка минеральной и питьевой воды Российской Федерации	66
Андреев О.С. Импортзамещение как важная составляющая структурных преобразований отечественной экономики	71
Сураева М.О. Методика оценки качества транспортного обслуживания пользователей железнодорожного транспорта	76
Сафиуллин М.Р., Ельшин Л.А., Шакирова А.И. Оценка деловой и экономической активности как инструмент краткосрочного прогнозирования	81
Максимова М.И., Глущенко Т.Е., Ходаринова Н.В. Пути повышения эффективности мониторинга конкурентов в конкурентной стратегии предприятия	90
Данилова И.В., Резепин А.В. Стабилизационная политика: координация федеральных и региональных мер в условиях неоднородности экономического пространства	94

Щербина Г.Ф. Оценка деятельности инвестиционно-строительного холдинга по критерию “эффективность - стоимость” методом анализа иерархий	99
ФИНАНСЫ, КРЕДИТ И ФИНАНСОВОЕ ПРАВО	
Хайруллин Б.А. Оценка потенциала рынка ценных бумаг г. Набережные Челны	105
Ржевская Т.Г. Налоговые аспекты перераспределительных процессов	109
Рождественская Т.Э. Банковский надзор за трансграничными банками в Российской Федерации ...	114
Костина Г.С. О некоторых проблемах привлечения к административной ответственности за нарушение прав и интересов несовершеннолетних в сфере исполнительного производства	121
Артемов Н.М. Рецензия на монографию Е.В. Кудряшовой “Принцип плановости финансовой деятельности государства (правовые аспекты)” (М.: Финансовый университет, 2011)	126
БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ, НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ, СТАТИСТИКА. НАЛОГОВОЕ ПРАВО	
Соколова Э.Д. Проблемы совершенствования правового регулирования налоговой системы России	133
Хасиев С.-А.Я. Бюджетирование как основа методического обеспечения управленческого учета и отчетности в агрохолдингах	137
Карасева Е.Д. Теоретическое развитие категории “налоговая нагрузка”	142
Кириллова М.В. Методические вопросы отражения процентов по займам и вкладам в учете потребительских кооперативов	145
Слесарева Е.Ю. Содержание налогового контроля и его место в системе налогового администрирования	148
Стеблецова О.В. Взаимосвязь внутреннего контроля с современными моделями управленческого учета в аграрных организациях	153
Гусейинли Т.А.-оглы. Коммерческие банки и налоговый контроль	158
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ. ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС	
Пирзадаев А.Н. Общественная опасность преступлений и понятие их последствий в современном уголовном праве	163
<i>Annotations to the Articles</i>	167

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ
ЭКОНОМИКИ, ГОСУДАРСТВА И ПРАВА**

ЗАРОЖДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ: ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ В ДРЕВНЕЙ РУСИ ДО РУССКОЙ ПРАВДЫ*

© 2011 В.Е. Рубаник

доктор юридических наук,

гл. научный сотрудник Отдела теории и истории права и судебной власти

Российская академия правосудия, г. Москва

E-mail: a.i.ashmarin@mail.ru

Автором обосновано, что если исключить договоры Руси с греками из истории русского права собственности, то можно считать начальным этапом в становлении традиции правового регулирования отношений собственности на Руси Русскую Правду, предписаниями которой и был впервые зафиксирован существующий у восточных славян по их обычаям и юридическим преданиям порядок урегулирования имущественных отношений вместе с новеллами, привнесенными туда законодательной деятельностью княжеской власти и судебной практикой.

Ключевые слова: отношения собственности, право собственности, правовое регулирование, отечественная традиция, Древняя Русь, Русская Правда.

Научные публикации последних лет убедительно свидетельствуют, что институт права собственности привлекает к себе все более ярко выраженное внимание исследователей¹. Распространение получает подход, при котором выделяются восточная и западная традиции права собственности. И это, на наш взгляд, вполне обоснованно, ибо, несмотря на активный диалог цивилизаций в современном мире, различия Востока и Запада, их обособленность продолжают сохраняться, поскольку ценностные парадигмы восточной и западной традиций существенно различаются. Если восточная традиция характеризуется утверждением единства общества и человека, господством таких нормативов, как справедливость, гуманность, искренность, уважение к родителям и старшим, сохранение семьи, самосовершенствование, то западная традиция обозначает противопоставление личности и общества, приоритет индивидуальных ценностей над общественными, с определяющим нормативом изменения мира, а не изменения себя². В этой связи показательны основные черты и духовные ориентации русской культуры, признаваемые различными авторами: коллективизм, бескорыстие, духовность, непрактичность, экстремизм, гиперболизм, фетишизация государственной власти и убеждение в ее всеобъемлющем значении для жизни граждан; наконец, патриотизм³.

Различие между Востоком и Западом проявляется и в типах мировоззрения: если восточное мировоззрение строится на самоизоляции человека от внешнего мира и уходе его во внутреннюю духовную жизнь, то западное - выражено в нацеленности человека на познание внешнего мира, на активное воздействие на этот мир. В подчинении человека жизненной силе природы - смысл бытия на Востоке; в самодеятельности человека, изменении природы - суть бытия на Западе⁴. Такое уникальное государство-цивилизация, как Россия, находясь на стыке Востока и Запада, объективно вынуждено решать проблему диалога этих разных социокультурных миров как свою внутреннюю проблему. Потому идеи евразийства должны составлять необходимую основу существования цивилизации, которая находится между восточным и западным мирами и в которой сложилась самобытная культура, менталитет, государственность⁵.

А.Г. Дугин справедливо замечает, что евразийские культуры в различных аспектах и в разных пропорциях сохраняют элементы традиционного общества, которые, воплотившись в этих культурах, контрастируют с западноевропейской или трансатлантической культурой, поэтому евразийство является противоположностью, антитезой атлантизму, конкурирует с западничеством и является ему альтернативой⁶. Характерными особенностями евразийской цивилизации выступают соборность, коллективизм, что во многом

* Статья публикуется в двух выпусках журнала. Окончание см.: Вопросы экономики и права. 2011. № 10.

определялось и определяется, прежде всего, условиями самого существования народа, когда размеры государства требовали высокой степени централизации, подчинения всей социальной жизни государственному интересу⁷. Основополагающими для западной цивилизации выступают такие ценности, как свобода, собственность, право, демократия, справедливость, рациональность, критичность. Для евразийской же цивилизации, как отмечает В.С. Розов, приоритетны несколько иные ценности - государства, державности, власти и властного статуса, воли-свободы как полной независимости от воли государства⁸. Все это определяющим образом повлияло на развитие правовой традиции регулирования отношений собственности в этих двух различных цивилизационных типах.

Еще С.В. Юшков отмечал, что вопрос о праве собственности "... в Киевском... государстве является одним из тех, при решении которого скрещивали шпаги представители различных взглядов"⁹. В процессе социально-имущественного расслоения общества господствующая верхушка, стремясь закрепить свое положение уже не только силой, но и правовыми установлениями, отбирала наиболее выгодные для себя нормы обычного права, приспособляла их к своим потребностям и обеспечивала государственным принуждением: это были и нормы, которые регулировали хозяйственную жизнь общества, и нормы, которые обеспечивали его целостность, и - что в особенности показательно - нормы, защищавшие собственность и привилегии социальной верхушки общества.

Исследователи называют три основные направления, по которым шло развитие раннефеодальной собственности и обращение свободного сельского населения в зависимое от господствующего класса: во-первых, происходило "окняжение" земли и обложение свободных общинников данью, которая с течением времени постепенно перерастала в феодальную ренту (так складывалась государственная земельная собственность, получившая впоследствии наименование "черной"); во-вторых, наблюдалось расслоение территориальной соседской общины (из которой выделялись крестьяне - землевладельцы, превратившиеся потом в феодалов, и безземельные люди, труд которых присваивался землевладельцами); в-третьих, собственники-феодалы "сажали" на землю рабов, становившихся зависимыми крестьянами¹⁰.

Победа государственных порядков приводила к приумножению числа объектов права собственности, однако еще очень долго сохранялись общинные представления о собственности¹¹. С другой стороны, присоединенные племенные территории начинали рассматриваться верховными правителями как государственная собственность, а право на сбор дани с определенных территорий получали дружинники князя: так, "мужу" Игоря Свенельду была пожалована с этой целью земля древлян, с которой он и "отроки" его "обрядились оружием и одеждой"¹².

Как известно, первоначальное взимание дани велось с помощью "полюдья", т.е. поездок княжеских дружинников в подвластные земли, где они "кормились" за счет местного населения до тех пор, пока не соберут дани¹³. Подобный способ очень часто приводил к злоупотреблениям со стороны собирателей дани, когда они наряду с выполнением княжеских распоряжений не забывали и о своих интересах, взимая с данников дополнительные объемы дани в свою пользу. Конечно, все это не могло не вызвать сопротивления местного населения, которое часто-густо перерастало в вооруженные выступления против княжеской власти, ослабляя ее. С именем княгини Ольги летопись связывает проведение в 946-947 гг. ряда мероприятий, направленных как раз на укрепление княжеской власти в границах бывших племенных территорий: нормирование повинностей, получивших регулярный характер, установление погостов как постоянных центров сбора дани и т.п. Система "полюдья" постепенно заменяется системой "своза", т.е. доставки дани на погост самими данниками. Смерды и данники стали подпадать под юрисдикцию княжеских судебных органов, а система штрафов в княжескую казну вытеснила платежи в пользу пострадавших, которые имели место ранее¹⁴. Общинники постепенно теряли и возможность свободно пользоваться доходами со своих земель (становившихся объектом права верховной собственности государства), и право самим распоряжаться продуктами своего труда (часть которых присваивалась господствующим классом в форме дани)¹⁵. Все это вносило существенные изменения в те отношения собственности, объектом которых выступала земля, право на владение которой, в сущности, и было основным предметом конфликта между новорождаемым классом феодалов и упроченной сельской общиной.

Точки зрения по поводу вопроса о соотношении коллективных и индивидуальных форм землевладения, т.е. о поземельных отношениях внутри соседской общины, высказывались разнообразнейшие. И.И. Ляпушкин, например, усматривал “одну из основных пружин ее развития” в борьбе между “старыми коллективными устоями жизни... и рождавшимися индивидуальными (частнособственническими)... Сначала земля подвергалась периодическим переделам, а, в конце концов, делилась навсегда. Лишь выгоны, косовицы, т.н. лесные угодья оставались в общинном пользовании”¹⁶. За общиной же сохранялось право распоряжения выморочными, брошенными участками, пустошами, лугами, лесами. А.П. Каждан, в частности, отмечал, что “...в эпохи, предшествовавшие капиталистическому производству, всегда существовала общинная собственность на землю; община могла складываться в тех или иных формах, разъедавший ее дуализм мог быть более или менее острым, но она не была уничтожена до тех пор, пока вследствие роста производительных сил в земледелии не возникли совершенно иные формы производства, хотя в процессе своего развития община постепенно лишалась тех или иных отдельных прав”¹⁷.

Вследствие отмеченного постоянно длящегося процесса “отвоевания” частными пользователями у общины все новых и новых частиц ее бывших прав несколько позже появляются и крестьяне - мелкие собственники, которыми выступали собственники дворовых и пахотных участков земли. Хозяйство такого крестьянина в более поздний период наглядно видно из записанной в летописи под 1103 г. речи Владимира Мономаха на княжеском съезде на Долобске, посвященной подготовке похода русских князей на половцев: “...станет смерд пахать, а половчин, приехав, ударит смерда стрелой, а коня его заберет. А в село его въехав, заберет жону его, и детей, и все имущество его заберет”¹⁸. Отсюда вытекало, что “село” - это земельный участок смерда (поскольку село - “его”); у этого смерда есть семья, имущество, конь; он имеет право самостоятельно распоряжаться принадлежащей ему землей - следы права на отчуждение крестьянами-общинниками своей земли (уже, правда, сильно видоизмененного) довольно четко отражались и в более поздних источниках - XIV-XV вв., которые уже дошли до нашего времени и стали объектом исследования ученых. В то же время, именно в рас-

сматриваемый хронологический период - VIII-X вв. - в общественном сознании отражается процесс восприятия территории своего проживания как “собственной” земли; это первоначальное понимание собственности летописец определял формулой “У полян свое княжение, у дреговичей свое”¹⁹.

Считая общинные крестьянские земли государственными, княжеская власть начинает отчуждать их на свое усмотрение, причем вместе с крестьянами. Так, в 1130 г. великий князь Мстислав Владимирович велел своему сыну Всеволоду принести в дар Новгородскому Юрьеву монастырю село Буйце с данью, “вирами” и “продажами”, а сам, кроме того, “даль рукой своею и осеннее полюдие даровное”²⁰. Итак, очевидным, наверное, будет вывод, впервые сделанный И.М. Собестианским, о том, что процесс “окняжения” свободных незаселенных территорий и земельных участков соседских общин приводил к их феодализации и к постепенному преобразованию дани в феодальную ренту²¹.

Постепенно часть земель, население которых эксплуатировалось с помощью взимания дани, переходила к князям как к феодалам-собственникам, и они начинали эксплуатировать крестьян, живших на этих захваченных землях, взимая с них оброк или заставляя их работать на барщине²². Среди общей массы свободных общинников происходит достаточно быстрое выделение значительных землевладельцев - главным образом, выходцев из бывшей родоплеменной знати; с другой стороны, землей наделяются княжеские дружинники. И те и другие землевладельцы, отличия в правовом положении которых с течением времени все больше нивелируются, в скором времени образуют единый класс феодалов, что значительно ускорило процессы разложения общинной собственности и образование собственности феодальной со всеми ее атрибутами, подкрепленной правовым принуждением древнерусского государства, которое уже становилось субъектом международного права.

Наиболее ранними достоверными сведениями об урегулировании отношений собственности в Древнерусском государстве традиционно считаются договоры Руси с Византией. Процессы социально-классового расслоения древнерусского общества и формирования слоя крупных собственников начинают в особенности давать себя знать еще в конце IX - в начале X столетия,

когда уже в договорах 907, 911, 944 и 971 гг. (хотя в договорах Олега содержится и ссылка на договор 865 г., т.е. заключенный еще Аскольдом) упоминаются “светлые” и “великие князья”, “князья”, “великие бояре”, “бояре”²³.

Некоторые исследователи, разделяя приведенную точку зрения Б.Д. Грекова, считали, что это является свидетельством существования института права частной собственности в Киевской Руси периода договоров с греками, игнорируя точку зрения Д.Я. Самоквасова, который, изучая этот вопрос, специально подчеркивал, что “...в источниках не имеется указаний на существование института частной... собственности у наших предков эпохи договоров с Греками”²⁴.

Обращение к указанным памятникам права и их анализ неминуемо ставят вопрос о рецепции византийского права и применении его предписаний и норм на славянской почве, а также о влиянии на регулирование отношений собственности у восточных славян правовых систем других народов, с которыми славяне так или иначе контактировали²⁵.

Первыми законодательными памятниками, которыми было положено начало урегулированию отношений собственности у славян, традиционно принято считать договоры Руси с греками 907, 911, 944, 971 гг. Как замечали А.П. Каждан и Г.Г. Литаврин, “...славяне вступили в соприкосновение с Восточной Римской империей, когда у них еще не сложилось классовое общество, а эксплуатация рабов носила патриархальный характер. Война, которую прежде вели для того, чтобы отомстить за нападение соседей, стала промыслом, обогащала знать”²⁶. В.Т. Пашуто же относил установление контактов Руси с греками к более раннему времени, отмечая, что князья отдельных земель восточнославянской конфедерации еще в IX ст. имели договоры с Византией относительно торговли и войны²⁷.

Н.А. Лавровский доказывал, что текст русско-византийских договоров был переведен на русский язык с греческого; списки с них, скрепленные сторонами, имели равную силу и достоверность с оригиналами²⁸. С.М. Каштанов доказал, что условия договоров вырабатывались совместно русской и византийской сторонами соответственно инструкциям своих правителей, но на базе византийской канцелярской практики, особенностями которой и объясняется архитектура тех текстов, которые дошли до нас²⁹.

И. Губе³⁰, И.Д. Беляев усматривали в данных и последующих договорах Руси с греками “начало чисто русского закона о наследовании”³¹. “Учение о наследстве, - писал, в частности, И.Д. Беляев, - в договорах Олега с греками высказалось довольно темно; договор лишь намекнул, что право наследства по закону принадлежит одному только нисходящему потомству. Но этот намек явился вполне согласным с определенным и ясным учением Русской Правды о том же предмете, появившемся письменно в XII стол., и поставил русское учение о наследстве в полном сочувствии и родстве со всеми славянскими законодательствами, образовавшимися в исконном общинном быте, и в то же время показал, что учение сие в самых основах своих разногласит с учением о наследстве у германцев и у других народов, живших под влиянием родового быта”³².

С такой точкой зрения не соглашались К.Д. Кавелин³³, К.А. Неволин³⁴, П.П. Цитович³⁵, В.Н. Никольский³⁶. В частности, В.Н. Никольский относительно тезиса И.Д. Беляева замечал: “На основании договора Олега с греками нет возможности делать как бы то ни было заключения и посылки о наследовании в это время у славян, не смешивая двух народностей, совершенно различных между собою. Тем не менее наши исследователи до сего времени не затрудняются рассматривать договор с греками, как памятник чисто славянского права”³⁷, - подчеркивая, что “...г. Беляев сильно грешит и против значения договора Олега, смешивая участвовавшие в нем народности, и против духа времени, заноса несвойственные ему понятия и представления”, и что “в рассматриваемое время, ни у руссов, ни у славян наследственного права в том виде, как предполагает его Беляев, быть не могло и не было”³⁸.

В последующий период М.И. Корнеева-Петрулан высказала предположение, что списки договоров Руси с Византией имели не юридическое, а символическое значение, представляя верховных правителей государств, между которыми заключался договор, и служили свидетельством их личной верности договору³⁹. Иной точки зрения придерживался Р.Л. Хачатуров, отмечая, что “...рассматриваемые договоры не только юридически оформили, но и оказали активное влияние на международные отношения между Древнерусским государством и империей”⁴⁰.

Обращение к тексту договора 911 г., который по сути является дополнением и развитием договора 907 г.⁴¹, позволяет найти в нем три статьи, по поводу которых возможным будет вести речь как об имущественных отношениях вообще, так и об отношениях собственности и наследования в период до Русской Правды: 1. “Аще кто умреть, не урядивъ своего имени, ци своихъ не имать, да возвратитъ имение к малымъ ближникамъ в Русь”. 2. “Аще ли сотворитъ обряженіе, да таковой возьметъ уряженное его, да наследитъ ю отъ взимающихъ куплю Руси, отъ рахличныхъ ходящихъ въ греки и должающихъ”. 3. “Аще ли убежитъ сотворившій убійство, да аще ли есть имовить, да часть его, сиречь иже его будетъ по закону, да возьметъ ближний убиеннаго, а и жена убившаго, да имать, толицемъ же пребудеть по закону”⁴².

На основании приведенных статей была создана целостная и достаточно полная система русского права наследования, о которой, впрочем, как замечал П.П. Цитович, “...нет и помину во все время отъ договора съ греками до Русской Правды последней редакціи, т.е. около трехъ столетій”⁴³. Согласно этой системе взглядов выделялись четыре принципиальных момента:

1) будто бы договор Олега знает и проводит различие между наследованием по завещанию и по закону, предоставляя преимущество первому;

2) в договорах окончательно утвердилась та догма, что к наследованию призывались лишь наследники, определяемые семейными началами; отсюда выводилось утверждение о семейном общественном быте славян;

3) умирающий не был ничем ограничен в своих предсмертных распоряжениях относительно принадлежащего ему имущества; отсюда следовало, что субъективная воля признавалась безграничной и безусловной;

4) признавалась определенная доля в имуществе, которая в обязательном порядке подлежала наследованию женой умершего, а также неприкосновенность ее приданного, а возможно, и вена.

“Едва ли хотя одно изъ этихъ положеній, - писал П.П. Цитович, - имеетъ подъ собою прочую основу, едва-ли хотя одно изъ нихъ не *concludit a precario*, и мы съ такимъ же правомъ можемъ утверждать, что приведенныя статьи договора разве даютъ поводъ поговорить о наследованіи, а никакъ не даютъ указаний, по которымъ бы можно было хотя приблизительно возсоздать

это наследованіе въ томъ виде, въ какомъ оно существовало въ разсматриваемую эпоху”⁴⁴. А В.Н. Никольский отмечал, что “въ договоре Олега съ греками вопросъ состоятъ не въ томъ, кто наследуетъ по законамъ крови (это, конечно, какія-нибудь новые законы; или, прибавимъ, по второму основанію, если-бъ даже въ то время такое основаніе и было), а въ томъ, какъ распорядиться имуществомъ, если умершій не имель при себе родственниковъ”⁴⁵.

Проведенные нами попытки синтеза существующих вариантов перевода указанных статей дают следующее:

1. Если кто-то из тех, кто работает (находится на службе) в Греции, у христианского царя, умрет, не сделав распоряжений относительно своего имущества, и не будет при нем никого из своих, то царь обязан возвратить имущество умершего в Русь его близким.

2. Если умирающий сделает распоряжение, тогда имущество возьмет тот, кому оно должно быть передано согласно распоряжению умершего, а наследует тот, кто записан наследником, и получит наследство через тех, кто торгует в Греции и имеет имущественные дела там.

Отсюда вытекает, что обе статьи имеют перед собою следующий случай: русич умирает в Греции, не имея при себе никого из своих, - кого бы ни понимать под этими “своими”. Заметим, что подобное случалось очень даже часто с теми искателями приключений, которые из Руси направлялись на службу в Византию. Естественно, возникал вопрос: как при этом поступать с имуществом умершего? Имущество это считалось имуществом варвара и, по византийскому праву, должно было подлежать претензиям византийского фиска. Это противоречило интересам русичей, и для защиты своих имущественных прав им надлежало принять какие-то меры. Такие меры и были приняты договором Олега. В.Н. Никольский, подробнее других авторов рассматривавший проблемы наследования имущества в договорах Руси с греками, в частности, писал: “Вопросъ для Олега стоялъ только относительно руссовъ, служившихъ у христіанскаго царя, которые необходимо делались временными его подданными. Для этого Олегъ вводитъ въ свой договоръ обычное севернымъ народамъ постановленіе, подобное темъ, какія существовали въ Исландіи, но которое подъ влияніемъ византийскихъ понятій и языка получило видъ узаконе-

ния о наследстве по закону и завещанию⁷⁴⁶. На этот же момент обращал внимание и Н.Н. Лавровский⁴⁷.

Раскрывая причины появления такой статьи в договоре Олега, В.Н. Никольский указывал, что "...существо требований руссовъ состояло по отношению къ Греции въ томъ, чтобы имущество русса, умершаго безъ родственниковъ въ Греции, было доставлено его наследникамъ посредствомъ взимающихъ куплю, Руси, отъ различныхъ ходящихъ въ Грецию и должующихъ. ... Это простое требование греки, которые разсматривали оставшееся имущество какъ наследство, и выразили въ правильной юридической форме по двумъ способамъ наследования: по закону и по завещанию, что чувствуется въ самомъ языке, такъ-какъ статья эта есть буквальный переводъ греческаго подлинника, который самъ собою явнымъ образомъ читается между строками"⁴⁸.

"Договоры, - отмечал Н.Н. Лавровский, - писались греками, какъ народомъ грамотнымъ, потому были переведены на славянской язык. ... У славян не только не было выражений, но даже понятий о многихъ изъ техъ предметовъ, о которыхъ пришлось варягамъ толковать с греками"⁴⁹. Отсюда, очевидно, следует считать, что одно и то же выражение для греков, варягов и славян могло иметь совершенно разный смысл и значение, поскольку каждый народ понимал его по своим представлениям и согласно своему собственному быту. То есть, разделяя точку зрения П.П. Цитовича, возможным будет заметить, что "...буквальному смыслу... договоровъ отнюдь не должно доверять, если-бы даже они и были разобраны филологически, но принимать каждое ихъ положеніе следуетъ не иначе, какъ только по соображенію съ общимъ бытомъ и характеромъ того и другого народа"⁵⁰. Не следует, наверное, оставлять без внимания и тот существенный момент, что списки настоящих договоров появляются не ранее XIV - XV столетий и что первоначально язык их написания был церковнославянским, а на русском языке тексты договоров были изложены только последующими переписчиками.

Характерным для договора 911 г. является и то, что приведенные статьи касаются лишь варягов, которые находилось на службе в Византии; иных же лиц, которые попадали в Византию по другим основаниям, например, при ведении торговли, договор Олега совсем не касается: эти лица не становились временными подданными Визан-

тии, и относительно них порядок наследования имущества выглядел по-иному. Имущество, оставшееся после того из иностранцев, кто умирал в Византии без родственников, прежде всего доставалось его землякам, товарищам, которые затем передавали его при первой же возможности законным наследникам умершего⁵¹. Если же земляков не обнаруживалось, то к получению такого имущества призывались местные жители, которые обязаны были оценить это имущество, сохранять, получая за сохранение доходы от имущества (*proventus*), и, в конце концов, вернуть законным наследникам, если таковые отыщутся. Такая выдача имущества, как отмечал В.Н. Никольский, была обусловлена явкой самих наследников и осуществлялась не для всех народов одинаково благоприятно, будучи зависимой от того, в каких отношениях с ними находилась Византия⁵².

Таким образом, возможным будет, очевидно, констатировать, что статья "Аще кто умреть..." возникла не из обычаев или законов о наследовании того или другого народа, который вступил в договор, но из обстоятельств времени, из того особого, исключительного положения, в котором находились русичи, служившие в Греции. Как отмечал в этой связи В.Н. Никольский, "...здесь прежде всего имеется въ виду не наследство (наследование?), а *сохранение*, сбережение и доставление по принадлежности имущества умершаго на чужой стороне, - обыкновеннымъ правиламъ наследования здесь не было места. Постановленія эти установлены именно на тотъ случай, когда обыкновенный порядокъ наследования не могъ быть приложенъ"⁵³. П.П. Цитович же замечал, что "...обе статьи имеютъ целію устранить претензіи византійскаго фиска - и только"⁵⁴. Если это все так, то, очевидно, что обе рассматриваемые статьи если и относятся к наследованию, то разве что как определения, имеющие охранительные свойства, а не как предписания материального порядка: они совсем не имеют целью определить отношения наследования по завещанию к наследованию по закону или установить круг лиц, которые призываются к наследованию, и порядок их допущения. Данные статьи договора Олега устанавливают исключительный порядок сохранения имущества умерших на чужбине лиц военного (служилого) сословия при отсутствии их родственников.

В договоре, однако, упоминаются "ближники" - в разных списках и переводах "малые" или

“милые”. И.Д. Беляев считал, что “...подъ “малыми ближниками”, по соображенію съ последующимъ законодательствомъ, преимущественно съ Русской Правдой, нужно разуметь лишь однихъ нисходящихъ, и именно - ближайшихъ, т.е. детей и внуковъ”, а “...наследниками по русскому закону X ст. признавались только нисходящіе, дети, внуки и правнуки, и отнюдь не все родство”⁵⁵. Однако В.Н. Никольский, возражая И.Д. Беляеву, отмечал, что он “...напрасно... увлекшись сомнительнымъ словомъ “малые” или “милые ближники”, установилъ свою систему наследованія у славянъ въ это время въ одной нисходящей линіи; и между боковымъ родствомъ могутъ быть малые и милые”⁵⁶.

“Слова “свой”, “малые” или “милые” ближники, - писал П.П. Цитович, - есть буквальный переводъ византійскихъ техническихъ выражений - *sui, propingui, proximi*”⁵⁷. А по мнению В.Н. Никольского, “...по отношенію къ руссамъ эти выраженія не могли имѣть никакого определеннаго значенія, ибо составъ родства, окружавшаго русса въ Греціи, зависель отъ обстоятельствъ случая, смотря по тому, кто могъ или хотель отправиться съ нимъ. Но если бы даже и принять, что съ выраженіями этими и для руссовъ связаны были определенные представленія о родстве, то малые или милые ближники все-таки не могутъ означать детей умершаго, ибо какъ латинские выраженія *propingui, proximi, proximiores propingui, propinguitate proximi*, такъ и наши ближніе, по общепринятому ихъ значенію, означаютъ дальнейшихъ боковыхъ родственниковъ, въ противоположность ближайшимъ нисходящимъ”⁵⁸.

Проводя аналогию с постановленіями Русской Правды относительно предоставленія ея права осуществленія кровной мести, В.Н. Никольский⁵⁹ и К.А. Неволин⁶⁰ определяли и самъ кругъ “ближниковъ”. Однако, по нашему мнению, едва ли такую аналогию можно считать не только возможной, но и просто допустимой. В Краткой Правде родственники, которые должны мстить за убитого, перечисляются в такомъ порядке: 1) брат; 2) сын; 3) отец; 4) племянникъ отъ брата; 5) племянникъ отъ сестры. Если принять, что в такомъ же порядке они и наследовали, то остается непонятнымъ, на какихъ основаніяхъ отецъ могъ наследовать после брата и сына? Это не соотносится ни с какими известными до этого времени дру-

гими порядками наследованія: ни по одному изъ нихъ сынъ не устранялъ отъ наследованія отца.

К.Д. Кавелин отмечал, что “...Русская Правда вовсе не указываетъ на порядокъ, въ которомъ право мести переходитъ отъ одного лица къ второму. Она говоритъ, что мстить за брата братъ, или за отца сынъ, либо за сына отецъ, или за дядю племянникъ отъ брата, либо за дядю племянникъ отъ сестры. Стало быть, исчисляется только, *кто за кого можетъ* мстить, и не показано, *кто после кого*”⁶¹. Какъ представляется, даже такое перечисленіе не является полнымъ, поскольку, если за отца мститъ сынъ, а за сына отецъ, то почему бы, - при разрешеніи племяннику мстить за дядю, - дядя не имѣлъ права мстить за племянника? Однако объ этомъ в Правде ничего не сказано.

С другой стороны, в постановленіяхъ Русской Правды относительно мести возможнымъ является усматривать стремленіе законодателя ограничить кругъ лицъ, которымъ предоставлялось право мести. Относительно же отысканія и в Правде, и в предшествующихъ ей договорахъ Руси с Византіей стремленія законодателя къ ограниченію подобнымъ путемъ круга наследниковъ, то искать это было бы, по выраженію П.П. Цитовича, “совершенно произвольнымъ”⁶², поскольку с теченіемъ времени, какъ это отмечал А.П. Куницынъ, “...кругъ лицъ, призываемыхъ къ наследованію, расширялся, а не суживался”⁶³.

Что же касается третьей статьи: “Аще убьетъ христіанинъ русина, или русин христіанина, то убійца да умретъ на месте, где совершитъ убійство; если же убійца скроется и будетъ имовить, то именіе его пусть возьметъ ближній убиеннаго, при чемъ имущество жены остается неприкосновеннымъ”, - то отметимъ, что в договорѣ Игоря 944 г. объ этихъ “правахъ жены” нетъ никакого упоминанія. По мнению К.Д. Кавелина, “...право жены получать часть изъ именія мужа не было русскимъ обычаемъ, и введено въ договоръ только для совершеннаго уравненія руссовъ, жившихъ въ Константинополѣ, съ греками, у которыхъ существовалъ такой законъ”⁶⁴. И действительно, какъ показываетъ обращеніе къ ея тексту, статья эта ничего конкретнаго не говоритъ о порядке наследованія имущества, а лишь устанавливаетъ ответственность убійцы за содеянное имъ преступленіе на почвѣ мести. В.Я. Шульгинъ справедливо замечалъ, что “...на основаніи этой статьи нетъ возможности делать какія-нибудь посылки къ

современному быту у славянъ и къ порядку наследования въ то время вообще на Руси⁶⁵.

Из изложенного вытекает, что договоры Руси с Византией в истории русского права собственности могут рассматриваться лишь со значительными оговорками, - преимущественно как памятники, которыми устанавливался порядок охраны и доставки по принадлежности имущества, оставшегося после умершего в Византии служилого варяга, и никак при этом не определяется какая-либо система или общий порядок наследования. Не указывает на какой бы то ни было порядок призвания к наследованию и использование слов "малые" или "милые ближники", а также неопределенность того, что именно относится к имуществу жены, которое "остается неприкосновенным" после того, как "ближній убиеннаго" возьмет себе "имение" ее мужа-преступника. Предположение В.Я. Шульгина, что под этим понимаются приданое и вено, представляет собой лишь догадку, и не более того⁶⁶. Уже только из этого следует, что постановлениями договоров нельзя пользоваться для каких-нибудь выводов относительно установления системы наследования на Руси в X столетии, даже если и допустить, что по своим целям и способу своего возникновения настоящие договоры были памятниками такого рода, "...которые могли содержать в себе определение русского положительного права"⁶⁷. Что же касается порядка наследования, то, по словам В.Н. Никольского, он определялся "темъ сознаниемъ близости или отдаленности родства, которое имели варяго-руссы, т.е. скандинавы, и которое они выразили въ постановленияхъ *Grøðgas*"⁶⁸.

На наш взгляд, за договорами Руси с Византией сложно признать даже характер и значение такого памятника, который мог бы содержать нормы русского положительного права. Во-первых, это договоры, а договор - совсем не то, что законодательный или вообще юридический памятник внутреннего происхождения. Во-вторых, договоры эти являются соглашениями представителей двух народов, а значит, не лишены влияния византийского и скандинавского права. В-третьих, цель договора (по крайней мере, в тех статьях, где речь идет о наследовании) состоит в выводе русичей из-под постановлений византийского законодательства относительно прав фиска на *caduca*. Поэтому "...*die erbrechtlichen Bestimmungen des Tractates (erscheinen) nur als*

eine singuläre durch die dringende Umstände gegenüber dem Rechte der griechischen Fiscus veranlasste Massregel, die noch nicht als Norm zu gelten vermag"⁶⁹.

Едва ли можно соглашаться и с оценкой договоров Руси с Византией для развития права собственности вообще и наследственного права в частности, которое им давал Н. Дювернуа, отмечая, что "...договоры князей съ греками имеютъ то значеніе, что въ нихъ въ первый разъ твердо и на письме установлены были нормы, по которымъ творится судъ. Такое явление могло служить прецедентомъ для другихъ подобныхъ же представленийъ внутри слагающагося государства. Формулирование права всегда слабо, когда господствуетъ обычай, но потребность в немъ можетъ очень рано почувствоваться. Сношеніе съ народомъ высшей цивилизаціи оказало свое первое благотворное действие. Надо иметь въ виду, что въ договорахъ именно для руководства суда устанавливаются определенные положенія и цифры. Это первый и очень важный проблескъ особой отъ суда деятельности власти, направленной къ точнейшему определению права, прежде чемъ оно нарушено"⁷⁰.

Как свидетельствуют многочисленные исследования данного вопроса, в Византии (а именно Византия выступала основной территорией применения договоров) суд и власть, "направленные къ точнейшему определению права, прежде чемъ оно нарушено", были разграничены уже задолго до заключения договоров с Русью. Для самой же Руси едва ли можно считать договоры за ту причину, которая привела к такому размежеванию в последующем. Как прецедент для письменного формулирования внутреннего русского права договоры тоже едва ли могли иметь какое-либо определяющее значение. Для этого они, как отмечал П.П. Цитович, "...стояли слишкомъ въ стороне отъ общаго хода русскаго юридическаго развитія; и какъ соглашеніе, съ одной стороны варяговъ, съ другой - грековъ, были одновременно продуктомъ византийскихъ и скандинавскихъ воззреній. Если такъ, то содержаниемъ этихъ памятниковъ мы не можемъ воспользоваться даже и для решения вопроса о томъ, составляетъ ли завещательное наследование исконный институтъ русскаго наследования, или же нетъ"⁷¹. Даже в том случае, если усматривать в договорахъ предписания, которыми определяются *testamenti factio active* и *passiva* варягов, и, как следствие, видеть

постановления, предусматривающие существование наследования по завещанию, то и тогда приложение их к современному им русскому быту и внутреннему правовому устройству Руси не представляется возможным. И вместо того чтобы усматривать в договорах установление порядка наследования по завещанию, более справедливым было бы в том урегулировании, которое в них заключено, видеть простое указание на круг тех лиц, которым имущество должно быть доставлено в Русь, и перейти к ним как к родственникам умершего. Эти указания, как правило, делались в письменной форме, но могли быть и устными; иначе, стремясь быть последовательными, далее следовало бы утверждать, что в договорах "...устанавливалась обязательность письменной формы завещания", подобное поставило бы содержание договоров в противоречие и с Русской Правдой, и с другими, более поздними законодательными предписаниями относительно наследования, какими этот порядок, как известно, однозначно еще отнюдь не устанавливался. Упомянувшееся в договорах "уряжение" вопросов относительно имущества едва ли можно приравнять и к последующему "тестamentу" как к выражению предсмертной воли умирающего, которая одна - и лишь одна, вопреки и в противоположность всем семейным связям, - определяла судьбу имущества наследодателя.

Таким образом, анализ как самих постановлений договоров Руси с греками, так и высказываемых в науке точек зрения относительно их оценки применительно к возможности использования для изучения истории права собственности дает возможность утверждать, что эту историю вести от указанных договоров возможным не представляется. Во-первых, она не может начинаться где-то за пределами русской земли, поскольку, как известно, территорией действия настоящих договоров выступала, прежде всего, Византия. Во-вторых, памятники эти не являются документами собственно русского права, и потому тот факт, что в некоторых из постановлений договоров содержатся предписания относительно наследования имущества, может выступать лишь поводом, но отнюдь не материалом для того, чтобы строить какие-нибудь предположения или догадки о порядке распоряжения имуществом у русичей в период до Русской Правды.

Исключая договоры Руси с греками из истории русского права собственности (то ли же, как минимум, воздерживаясь от каких бы то ни было далеко идущих выводов на их основании), считаем, что начальным этапом в становлении традиции правового регулирования отношений собственности на Руси выступала именно Русская Правда, предписаниями которой и был впервые зафиксирован существующий у восточных славян по их обычаям и юридическим преданиям порядок урегулирования имущественных отношений вместе с новеллами, привнесенными туда законодательной деятельностью княжеской власти и судебной практикой.

¹ См., например: *Андреев В.К.* О праве частной собственности в России: критический очерк. М., 2007; *Власова М.В.* Право собственности в России: возникновение, юридическое содержание, пути развития. М., 2002; *Камышанский В.П.* К вопросу о понятии права собственности на современном этапе // Современные проблемы публично-правового и частно-правового регулирования. Теория и практика. Ч. 2. Уфа, 2005; *Рубаник В.Е.* Собственность и право собственности: юридические, философские, социологические, экономические подходы в их историческом развитии. М., 2010; *Рыженков А.Я., Черноморец А.Е.* Теория права собственности: ист.-аналит. очерк. Элиста, 2009; *Суханов Е.А.* Понятие права собственности в российском законодательстве и в модельном Гражданском кодексе для стран СНГ // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2000. № 4; 2001. № 1; *Черкасов Г.И.* Общая теория собственности. М., 2003; и др.

² *Философия* / под ред. В.Н. Лавриненко. 2-е изд. М., 1998. С. 500.

³ *Кармин А.С.* Основы культурологии: морфология культуры. СПб., 1997. С. 244-245.

⁴ Там же. С. 330.

⁵ *Оборотов Ю.Н.* Традиции и новации в правовом развитии. Одесса, 2001. С. 118.

⁶ Евразийская концепция современного российского государства: "круглый стол" журнала "Философия права" // *Философия права*. 2000. № 2. С. 6.

⁷ *Орлова И.Б.* Евразийская цивилизация. М., 1998. С. 34.

⁸ *Розов В.С.* Структура социальной онтологии: по пути к синтезу макроисторических парадигм // *Вопр. философии*. 1999. № 2. С. 16.

⁹ *Юшков С.В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 457.

¹⁰ Б.Д. Греков отмечал, что "рост крупного землевладения грозил потерей независимости многим смердам. Число крупных землевладельцев увеличилось, росла их экономическая и политическая сила,

расширялись их потребности. Обрастая большим количеством слуг, в том числе и военных, знатный землевладелец должен был заботиться о том, как их кормить, одевать, снаряжать в бой. Однако у знатного землевладельца в это время еще не было средств для расширения и интенсификации своего барского хозяйства, обслуживаемого челядью. Оставался другой путь для удовлетворения его растущих нужд и appetитов - увеличение числа зависимых от боярина людей, но не таких, которых ему надо было содержать за свой счет, а таких, которые не только бы кормили себя, но и могли бы отдавать часть своего продукта на содержание боярина и его многочисленных непроизводящих слуг. Такими людьми, производящими блага, необходимые для поддержания жизни, были крестьяне-смерды, и это обстоятельство предредило дальнейшую их участь. Дофеодальное государство начало процесс освоения смердьей земли и сидящих на ней смердов, феодальное государство его завершило” (Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М.; Л., 1946. С. 4).

¹¹ *Рогов В.А.* История государства и права России IX - начала XX вв. М., 1995. С. 163.

¹² Полное собрание Русских летописей: Изданное по Высочайшему повелению Императорскою Археологическою Комиссией. Т. 2. Ипатьевская летопись. Изд. 2-е. СПб., 1908. С. 30.

¹³ См.: *Зимин А.А.* Феодальная государственность и Русская Правда // Исторические записки. М., 1965. Кн. 76. С. 240-244.

¹⁴ *Грибовский В.М.* Древнерусское право: (Краткий обзор чтений по истории русского права). Вып. 1. Древнейший земско-княжеский период. Пг., 1915. С. 57-59.

¹⁵ А.К. Зайцев отмечал, что “...в процессе образования государственной территории можно выделить начальный и завершающий этапы. Смена этих этапов хорошо прослеживается в земле древлян. Начальным этапом ее освоения было возложение дани в ее архаической форме, *при сохранении местной знати* (курсив наш. - В.Р.). Ее сменяет около 945 г. новая, регулярная форма отчуждения прибавочного продукта, обеспеченная целой системой административных мер, отражающая создание раннефеодального государства”. (*Зайцев А.К.* Черниговское княжество // Древнерусские княжества X-XIII вв.: сб. ст. / редкол.: Л.Г. Бескровный (отв. ред.), В.А. Кучкин, В.Т. Пашуто. М., 1975. С. 67). Я.М. Шапов, в свою очередь, подчеркивал, что “...полулегендарный летописный рассказ об установлении княгиней Ольгой “погостов и даней”, “уставов и уроков”, несомненно, отмечает начало завершающего этапа государственного освоения территорий”. (*Шапов Я.Н.* О социально-экономических укладах в Древней Руси XI - первой половины XII вв. // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970. С. 101).

¹⁶ *Ляпушкин И.И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1968. № 152. С. 88-89.

¹⁷ *Каждан А.П.* Аграрные отношения в Византии XIII-XIV вв. М., 1952. С. 74.

¹⁸ Полное собрание Русских летописей: Изданное по Высочайшему повелению Императорскою Археологическою Комиссией. Т. 2. Ипатьевская летопись. С. 157.

¹⁹ Там же. С. 6.

²⁰ *Толочко О.П.* Про походження поземельної форми данини в Київській Русі в IX-X ст. // Український історичний журнал. 1986. № 8. С. 104 -109.

²¹ *Собестіанский И.М.* Учения о национальных особенностях характера и юридического быта древних славян: Историко-критическое исследование. Харьков, 1892. С. 217-218.

²² *Котляр М.Ф.* Джерела складання та форми феодального землеволодіння у Древній Русі // Український історичний журнал. 1984. № 2. С. 27-37.

²³ Б.Д. Греков писал: “Сейчас мы можем не сомневаться, что все эти знатные и облеченные властью “мужи” были крупными землевладельцами. И, что особенно важно для нас сейчас подчеркнуть, - землевладельцами не со вчерашнего дня, а имеющими свою длительную историю, успевшими окрепнуть в своих вотчинах”. (*Греков Б.Д.* Генезис феодализма в России // Киевская Русь. М.; Л., 1953. С. 524).

²⁴ *Самоковасов Д.Я.* Древнее русское право: Лекции 1902/1903 академич. года. М., 1903. С. 187.

²⁵ П.П. Цитович в свое время отмечал: “Мало кто отважится сомневаться, что не только в истории, но и в догматике права собственности основным вопросом прежде всего выступает вопрос о том, в каком соотношении находятся между собою те необходимо противоположные принципы, борьба и примирение которых обусловили такую конструкцию права собственности и построенного на ней такого своеобразного порядка наследования в римском или немецком праве: речь идет о соотношении и борьбе принципа субъективного произвола (*testamentum*) и принципа, на котором основывается наследование в силу родственных связей (наследование по закону). Между тем еще Г. Ганс в своей работе “*Das Ebrecht in der weltgeschichtlicher Entwicklung*” рассматривал развитие права собственности у разных народов преимущественно с точки зрения борьбы и взаимного соотношения указанных двух принципов. Подобная точка зрения выступала господствующей и в работе Ф. Лассалья - “*System der erworbenen Rechte*. - Bd.II”. В преобладающем же большинстве отечественных исследований дело представлялось так, вроде как от древнейших времен в русском праве никакой борьбы этих принципов не существовало и не могло существовать, и будто бы уже на первых порах, а именно в договорах Руси с греками, был цели-

ком определен и освящен принцип субъективного произвола, и ему отдано полное преимущество перед принципом родственной связи - как принципа юридической необходимости” (Цитович П.П. Исходные моменты в истории русского права наследования. Харьков, 1870. С. 12).

²⁶ Каждан А.П., Литаврин Г.Г. Очерки истории Византии и южных славян. М., 1958. С. 40.

²⁷ Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 57.

²⁸ Лавровский Н.А. О византийском элементе в языке договоров русских с греками. СПб., 1853. С. 48.

²⁹ Каштанов С.М. О процедуре заключения договоров между Византией и Русью в X в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 215.

³⁰ Губе И. История древнего наследственного права у славян // Сборник исторических и статистических сведений о России и народах, ей единовременных и единоплеменных. Т. 1. М., 1845. С. 97.

³¹ Беляев И.Д. О наследстве без завещания. М., 1858. С. 8.

³² Там же. С. 37.

³³ Кавелин К.Д. Взгляд на историческое развитие русского порядка наследования и сопоставление теперешнего русского законодательства об этом предмете с римским, французским и прусским. СПб., 1860.

³⁴ Неволин К.А. Полное собрание сочинений. Т. 5. История российских гражданских законов. Ч. 3. Кн. 2. Об имуществах. Разд. 3. О правах на действия лиц; Разд. 4. О наследстве. СПб., 1858.

³⁵ Цитович П.П. Указ. соч.

³⁶ Никольский В.Н. О началах наследования в древнейшем русском праве. М., 1859.

³⁷ Там же. С. 214.

³⁸ Там же. С. 215, 219.

³⁹ Корнеева-Петрулан М.И. К изучению состава и языка договоров русских с греками // Учен. зап. МГУ. 1952. Вып. 150. С. 274-275.

⁴⁰ Хачатуров Р.Л. Становление права. Тбилиси, 1988. С. 105.

⁴¹ Там же. С. 103.

⁴² Владимирский-Буданов М.Ф. Христоматия по истории русского права. Вып. 1. Изд. 4-е. СПб., 1889. С. 19-20.

⁴³ Цитович П.П. Указ. соч. С. 12.

⁴⁴ Там же. С. 13.

⁴⁵ Никольский В.Н. Указ. соч. С. 211.

⁴⁶ Там же. Прим. 1.

⁴⁷ Лавровский Н.Н. Указ. соч. С. 129.

⁴⁸ Там же. С. 223, прим.1; С. 224.

⁴⁹ Там же. С. 76-77.

⁵⁰ Цитович П.П. Указ. соч. С. 15.

⁵¹ Мишулин А.В. Древние славяне и судьбы Восточноримской империи // Вестн. древней истории. М., 1939. № 1(6). С. 306.

⁵² Никольский В.Н. Указ. соч. С. 221-222.

⁵³ Там же. С. 211.

⁵⁴ Цитович П.П. Указ. соч. С. 17.

⁵⁵ Беляев И.Д. О наследстве без завещания. М., 1858. С. 10, 11.

⁵⁶ Никольский В.Н. Указ. соч. С. 95.

⁵⁷ Цитович П.П. Указ. соч. С. 18.

⁵⁸ Никольский В.Н. Указ. соч. С. 224-225, прим. 1.

⁵⁹ Там же. С. 245.

⁶⁰ Неволин К.А. Полное собрание сочинений. Т. 5. История российских гражданских законов. Ч. 3. Кн. 2. Об имуществах. Разд. 3. О правах на действия лиц; Разд. 4. О наследстве. С. 286, 334.

⁶¹ Кавелин К.Д. Указ. соч. С. 16.

⁶² Цитович П.П. Указ. соч. С. 19.

⁶³ Куницын А. О правах наследства лиц женского пола: Речь в Харьковском университете. Харьков, 1844. С. 87.

⁶⁴ Кавелин К.Д. Указ. соч. С. 15.

⁶⁵ Шульгин В.Я. О состоянии женщины в России до Петра Великого. М., 1850. С. 67.

⁶⁶ Там же. С. 68.

⁶⁷ Цитович П.П. Указ. соч. С. 21.

⁶⁸ Никольский В.Н. Указ. соч. С. 95.

⁶⁹ Witte F. Ein Blick auf die geschichtl. Entwicklung die älter russische Erbrechts, bis zum Gesetzbuche der Zaren Alexei Michailovitsch. SPb., 1848. S. 26. (“Те определения (положения) договоров, которые касаются наследственного права, могут рассматриваться только как обусловленные неотложными обстоятельствами по отношению к ограничению прав греческого фиска [на имущество русича], а потому еще не могут приобретать значения нормы” (перевод наш. - В.Р.)).

⁷⁰ Дювернуа Н. Источники права и суд в древней России. М., 1869. С. 31.

⁷¹ Цитович П.П. Указ. соч. С. 23.

Поступила в редакцию 03.08.2011 г.

СУБЪЕКТЫ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПРИ ОБРАЩЕНИИ В КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2011 В.И. Анишина

Судья Верховного Суда Российской Федерации,
профессор

© 2011 И.А. Корзина

Российская академия правосудия

E-mail: a.i.ashmarin@mail.ru

Обосновано, что не исключается необходимость надлежащего законодательного урегулирования права на обращение в Конституционный Суд РФ за органами и должностными лицами местного самоуправления; это обусловлено непосредственно конституционно-правовыми положениями о гарантиях судебной защиты местного самоуправления, а также связано с развитием местного самоуправления и совершенствованием его конституционно-правовой основы.

Ключевые слова: местное самоуправление, субъекты судебной защиты, Конституционный Суд Российской Федерации.

При рассмотрении вопроса о полномочиях Конституционного Суда Российской Федерации (КС РФ) в сфере защиты местного самоуправления достаточно сложным является вопрос о содержании правового регулирования круга субъектов на обращение в Конституционный Суд РФ, который связан с разделением властей и доступностью конституционного правосудия. Анализ соответствующих положений Конституции РФ и федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации” (далее - Закон о Конституционном Суде РФ) позволяет выделить следующие категории названных субъектов:

- специально уполномоченные органы государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации;

- суды;

- граждане и их объединения;

- иные органы и лица, указанные в федеральном законе. Каждый из названных субъектов может поставить в конституционном судопроизводстве вопрос о проверке актов, касающихся прав местного самоуправления. Однако сами органы местного самоуправления не поименованы в законе как субъект обращения в Конституционный Суд РФ. Каким же образом данные органы могут обратиться в КС РФ?

Практика применения ч. 1 ст. 96 Закона о Конституционном Суде РФ позволяет однознач-

но констатировать: Конституционный Суд России расширительно интерпретирует содержание данной нормы, обеспечивая доступ к конституционному правосудию как можно более широкому кругу субъектов, что, по нашему мнению, полностью соответствует целям и задачам его деятельности. Тенденция на расширение субъектного состава наглядно проявляется при толковании Конституционным Судом понятия “объединение граждан”. Данный круг субъектов не ограничивается только теми общественными объединениями, которые созданы в соответствии со ст. 30 Конституции РФ и федеральным законом от 19 мая 1995 г. № 164-ФЗ “Об общественных объединениях”¹.

К субъектам, наделенным правом на обращение в Конституционный Суд РФ соответствующим федеральным конституционным законом, в настоящее время относятся Генеральный прокурор РФ, а также Уполномоченный по правам человека в РФ. В 2003 г. Конституционный Суд существенно расширил полномочия Генерального прокурора РФ, предоставив ему право инициировать и процедуры абстрактного нормоконтроля, однако обращаться в Суд данный субъект вправе только по вопросу о соответствии Конституции РФ, конституций и уставов субъектов РФ, что может быть использовано и в отношении норм, регламентирующих права и обязанности местного самоуправления².

В отличие от Конституции России, п. 4 “b” ст. 93 Основного закона Германии 1949 г. устанавливает, что Федеральный Конституционный Суд разрешает дела о конституционных жалобах общин и объединений общин по поводу нарушения законом права на коммунальное (местное) самоуправление. Таким образом, предметом коммунальной конституционной жалобы становятся федеральные законы.

Что касается обращений граждан за защитой права на коммунальное (местное) самоуправление, то согласно п. 4 “a” ст. 93 Основного закона Германии Федеральный Конституционный Суд разрешает дела о конституционных жалобах, которые могут быть поданы каждым, кто утверждает, что публичная власть нарушила одно из его основных прав, содержащихся в ст. 20 Основного закона, однако граждане как субъекты права на коммунальное (местное) самоуправление рассматриваются только в контексте ст. 33, которая гарантирует равный доступ к публичной службе, т.е. в органы коммунального (местного) самоуправления³.

В России в связи с проблемой доступа органов местного самоуправления к конституционному судопроизводству в правовых актах неоднократно предлагалось предоставить право на обращение в Конституционный Суд РФ не только гражданам, но и иным субъектам местного самоуправления. Так, в п. 7 и 8 ч. 12 разд. II “Основных положений государственной политики в области развития местного самоуправления”²⁴ указывалось на несовершенство механизмов судебной защиты местного самоуправления и отсутствие права органов местного самоуправления на защиту посредством конституционного судопроизводства.

Однако, придерживаясь иной позиции по данному вопросу, в 2000 г. Конституционный Суд РФ отказал в принятии к рассмотрению конституционных жалоб органов местного самоуправления. Обосновывалась данная позиция тем, что органы местного самоуправления имеют иную, отличную от объединений граждан, правовую природу: возникают в силу предписания закона, а не на основании волеизъявления граждан, осуществляют публично-властные функции, являясь конституционно закрепленным, обязательным элементом структуры публичной власти в Российской Федерации, а не добровольной формой объединения граждан для решения частных задач⁵.

Местное самоуправление является необходимым элементом конституционного механизма осуществления народом своей власти, а не добровольной формой объединения населения для участия в решении тех или иных общих задач. Граждане, проживающие на территории муниципального образования, на основе своих конституционных прав участвуют в осуществлении публичной власти. Поэтому, даже если рассматривать их как своеобразное объединение, то это объединение в силу того, что оно осуществляет публично-властные функции, нельзя отнести к институтам гражданского общества, которыми по своей природе, по порядку образования, основным признакам являются объединения граждан (по смыслу ст. 30 Конституции РФ, ст. 96 Закона о Конституционном Суде РФ). Обращает на себя внимание и тот факт, что Конституционный Суд РФ, достаточно широко трактуя понятие “объединения граждан”, вместе с тем оставался первоначально в довольно жестких (узких) рамках конституционного содержания этого понятия.

Ситуация существенно образом изменилась в 2002 г., когда в постановлении Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2002 г. № 7-П⁶ было указано, что: “Не исключается защита средствами конституционного правосудия прав муниципальных образований как территориальных объединений граждан, коллективно реализующих на основании Конституции РФ право на осуществление местного самоуправления. Органы местного самоуправления объективно отличаются по своим конституционно-правовым характеристикам от объединений граждан, Конституция РФ различает органы местного самоуправления и объединения граждан как самостоятельные и совершенно разные субъекты права”.

Однако и вышеуказанным постановлением Конституционный Суд РФ не ввел в круг субъектов, имеющих право на обращение в Конституционный Суд РФ, органы местного самоуправления и (или) их должностных лиц. Фактически было признано, что право на судебную защиту в рамках конституционного правосудия может быть использовано: выборным должностным лицом, органами местного самоуправления и избирателями.

Анализ последующих решений Конституционного Суда РФ показывает, что органы местного самоуправления пользуются указанным правом и обращаются в Конституционный Суд РФ.

Однако по большинству жалоб были приняты определения. Так, в Конституционный Суд РФ обращались: администрация г. Пензы (2002 г.)⁷; администрация г. Волгограда (2003 г.)⁸; администрация муниципального образования “Смольнинское” г. Санкт-Петербурга (2003 г.)⁹; администрация г. Коряжма Архангельской области (2005 г.)¹⁰; муниципальный совет муниципального образования “Город Красное Село Санкт-Петербурга” (2005 г.)¹¹.

Е.С. Шугрина выделяет следующие условия принятия обращений органов местного самоуправления в Конституционный Суд Российской Федерации¹²:

1. Обращение органов или должностных лиц местного самоуправления в Конституционный Суд РФ возможно только при наличии предшествующего решения суда (или иного органа, применяющего закон), причем стороной в данном деле должен быть именно этот орган (должностное лицо).

2. Право органа обращаться в суды от имени муниципального образования должно быть указано в уставе муниципального образования. Выписку из устава с данными положениями необходимо прилагать к обращению.

3. Предметом оспаривания в Конституционный Суд РФ органом местного самоуправления может быть акт, нарушающий права муниципального образования. Это могут быть нормы как законодательства о местном самоуправлении, так и других законодательных актов (в частности, регулирующих хозяйственную деятельность, осуществляемую органами местного самоуправления). При этом важно, чтобы был выражен интерес не самого органа, а муниципального образования как территориального объединения граждан, коллективно реализующих на основании Конституции РФ право на осуществление местного самоуправления.

Складывающаяся практика, связанная с защитой права на осуществление местного самоуправления, выявляет новые проблемы, которые пока не нашли своего разрешения.

Так, В.А. Кряжков подчеркивает, что “достаточно часто происходит подмена юридических терминов и обозначаемых ими субъектов права на обращение в Конституционный Суд РФ. Заявители, пытаясь подтвердить использование неконституционной, по их мнению, нормы в конкретном деле, фактически приравнивают органы

местного самоуправления к должностным лицам органов местного самоуправления или гражданам”. Например, из текста определения Конституционного Суда РФ от 12 июля 2005 г. № 309-О следует, что заявителем по делу является гражданин Б., однако в материалах дела находится судебное решение в отношении мэра, того же гражданина Б. (г. Дзержинск Нижегородская область). Очевидна в данном случае фактическая идентификация органа местного самоуправления (мэра) и гражданина. Такая подмена представляется небесспорной и ставит заявителей в фактически “неравное” положение¹³.

Особым субъектом обращения в Конституционный Суд РФ можно рассматривать население муниципального образования, представляющее собой коллективного носителя права на осуществление местного самоуправления и, соответственно, располагающего возможностью защищать гарантируемые Конституцией РФ права и свободы, связанные с осуществлением местным сообществом самостоятельной и под свою ответственность деятельности по решению вопросов местного значения, в рамках судебной процедуры, включающей и конституционное судопроизводство. Не имея прямого конституционного или законодательного закрепления, это положение получило обоснование в виде имеющей общеобязательное значение правовой позиции Конституционного Суда РФ, сформулированной им в Постановлении от 2 апреля 2002 г. № 7-П¹⁴.

Граждане - бывшие главы муниципальных образований - обратились в Конституционный Суд РФ с жалобой о проверке конституционности ряда положений закона Красноярского края от 26 сентября 1996 г. “О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления” и закона Корякского автономного округа от 12 января 2000 г. “О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Корякском автономном округе”, регулирующих порядок отзыва депутатов представительных органов местного самоуправления. Заявители указывали на то, что оспариваемые нормы допускают произвольное использование отзыва и не содержат гарантий от злоупотреблений им, в частности по политическим мотивам; тем самым один институт непосредственной демократии (отзыв выборного должностного лица) противопоставляется другому (выборам),

нарушаются конституционное право граждан на участие в осуществлении власти через органы местного самоуправления и конституционный принцип равенства всех перед законом и судом, умаляется достоинство личности, что противоречит ст. 3 (ч. 2 и 3), 13 (ч. 1, 2 и 3), 19 (ч. 1), 21 (ч. 1), 32 (ч. 2), 130 (ч. 2) и 133 Конституции РФ.

Суд по данным обращения указал, что «субъектом права на самостоятельное осуществление муниципальной власти - непосредственно и через органы местного самоуправления - выступает население муниципального образования (ч. 2 ст. 3, ст. 12, ч. 2 ст. 130 Конституции РФ). Согласно ст. 133 Конституции РФ местное самоуправление в Российской Федерации гарантируется правом на судебную защиту. Данное положение во взаимосвязи со ст. 46 (ч. 1 и 2) Конституции РФ призвано обеспечить защиту в суде прав и законных интересов всех лиц, чьи права могут быть затронуты в процессе отъезда, с тем, чтобы гарантировать также право возражать против его проведения. Право на судебную защиту может быть использовано отъезжаемым выборным должностным лицом, органами местного самоуправления, а также самими избирателями - как сторонниками, так и противниками отъезда, и должно служить предупреждению необоснованного отъезда, объективно приводящего к дестабилизации местного самоуправления в соответствующем муниципальном образовании».

Таким образом, Суд признал, что не исключается защита средствами конституционного правосудия прав муниципальных образований, которые в данном случае необходимо рассматривать как объединение граждан, коллективно реализующих на основании Конституции РФ свое право на осуществление местного самоуправления.

Принимая такое решение, Конституционный Суд РФ исходил из понимания населения муниципального образования как особого объединения граждан - местного сообщества, которое формируется на основании Конституции РФ и закона в соответствии с объективно складывающимися взаимными интересами граждан по месту их жительства при совместном решении общих дел (вопросов местного значения).

Следующими самостоятельными субъектами права на обращение в Конституционный Суд РФ считаем возможным рассматривать муниципальные предприятия и учреждения.

Закон о Конституционном Суде РФ не содержит правовых норм, закрепляющих право муниципальных предприятий и учреждений относительно допустимости их обращения в Конституционный Суд РФ. Основания, по которым данные субъекты права могут подавать конституционную жалобу, изложены лишь в правовых позициях Конституционного Суда. Речь идет о возможности обращения в федеральный орган конституционного правосудия объединения граждан при условии, что примененной или подлежащей применению нормой были нарушены права соответствующего объединения граждан.

В постановлении Конституционного Суда РФ от 12 октября 1998 г. № 24-П¹⁵ Суд расширил категорию «объединение граждан», включив в нее, в числе прочих, акционерные общества и государственные унитарные предприятия, указав при этом на принцип равенства юридических лиц, как частных, так и государственных (независимо от их организационно-правовой формы).

Поскольку основным тезисом для принятия решения о допустимости обращений государственных унитарных предприятий являлся конституционный принцип равенства всех форм собственности, что предполагает, в числе прочего, равную судебную защиту частной, муниципальной, государственной форм собственности, соответствующая правовая позиция была распространена и на муниципальные унитарные предприятия и учреждения¹⁶.

Что же касается возможности признания надлежащими заявителями в Конституционный Суд РФ муниципальных учреждений, то она зависит от того, выступают ли они исключительно в качестве организации, конституционные права которой предположительно были нарушены, либо в качестве муниципального органа, защищающего публичный интерес¹⁷.

В контексте сказанного приходим к выводу о том, что субъектами судебной защиты прав местного самоуправления посредством конституционного правосудия могут быть не только *граждане*, чьи права и свободы нарушаются законом, примененным или подлежащим применению в конкретном деле, а также *объединения граждан* (ст. 96 Закона о Конституционном Суде РФ), но и иные органы и лица, в том числе:

- *органы местного самоуправления и выборные должностные лица местного самоуправления*, в том случае, если муниципальные органы высту-

пают не с собственными интересами, а исключительно в защиту прав населения (граждан) муниципального образования. Это, на наш взгляд, в полной мере соответствует ч. 2 ст. 130 Конституции РФ, согласно которой местное самоуправление осуществляется гражданами не только посредством прямого волеизъявления, но и через выборные и иные органы местного самоуправления;

- *муниципальные предприятия и учреждения*, основанием для принятия решения о допустимости обращений муниципальных предприятий является равенство всех форм собственности, в том числе равная судебная защита частной, муниципальной и государственной форм собственности. Однако возможность признания субъектом права муниципальные учреждения зависит от того, выступают ли они исключительно в качестве организаций, конституционные права которой предположительно были нарушены, либо в качестве муниципального органа, защищающего публичный интерес.

Данный вывод, безусловно, является дискуссионным, однако нельзя не согласиться, а тем более отрицать, что признание органов местного самоуправления, их должностных лиц в качестве надлежащих субъектов обращения в Конституционный Суд РФ выступает одним из основополагающих постулатов Российской Федерации как правового демократического государства, предоставляющих равные для каждого возможности судебной защиты его прав и свобод (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ).

С учетом сказанного не исключается необходимость надлежащего законодательного урегулирования права на обращение в Конституционный Суд РФ за органами и должностными лицами местного самоуправления, что обусловлено непосредственно конституционно-правовыми положениями о гарантиях судебной защиты местного самоуправления, а также связано с развитием местного самоуправления и совершенствованием его конституционно-правовой основы.

¹ Собрание законодательства Рос. Федерации (далее - СЗ РФ). 1995. № 21. Ст. 1930.

² По делу о проверке конституционности положений статей 115 и 231 ГПК РСФСР, статей 26, 251 и 253 ГПК РФ, статей 1, 21 и 22 ФЗ "О прокуратуре Российской Федерации": постановление Конституционного Суда РФ // СЗ РФ. 2003. № 30. Ст. 3101.

³ Конституции зарубежных государств: учеб. пособие / сост. В.В. Маклаков. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2003.

⁴ СЗ РФ. 1999. № 42.

⁵ По делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного закона) Курской

области от 22 марта 1999 года "О внесении изменений и дополнений в Устав (Основной закон) Курской области: постановление Конституционного Суда РФ от 30 нояб. 2000 г. // СЗ РФ. 2000. № 50. Ст. 4943.

⁶ СЗ РФ. 2002. № 14. Ст. 1374.

⁷ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы администрации города Пензы на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 17 Указа Президента Российской Федерации "О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР": определение Конституционного Суда РФ от 11 июля 2002 г. № 207-О // Документ официально опубликован не был.

⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы администрации города Волгограда на нарушение конституционных прав и свобод положениями пункта 3 статьи 19 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации": определение Конституционного Суда РФ от 9 апреля 2003 г. № 132-О // Вестн. Конституционного Суда РФ. 2003. № 5.

⁹ Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Санкт-Петербургского городского суда о проверке конституционности абзаца второго пункта 3 статьи 6 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" и жалобы администрации муниципального образования "Смолянинское" на нарушение той же нормой конституционных прав и свобод: определение Конституционного Суда РФ от 5 июня 2003 г. № 274-О // Вестн. Конституционного Суда РФ. 2003. № 6.

¹⁰ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы администрации города Коряжма Архангельской области на нарушение конституционных прав местного самоуправления положением ч. 1 ст. 30 Закона Российской Федерации "О милиции": определение Конституционного Суда РФ от 15 февр. 2005 г. № 58-О // Документ официально опубликован не был.

¹¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы муниципального совета муниципального образования г. Красное Село Санкт-Петербурга на нарушение конституционных прав и свобод положениями ст. 8 Закона Санкт-Петербурга "О местном самоуправлении в Санкт-Петербурге": определение Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2005 г. № 225-О // Вестн. Конституционного Суда РФ. 2005. № 6.

¹² *Шугрина Е.С.* Судебная защита местного самоуправления. М., 2010. С. 45.

¹³ *Кряжков В.А.* Судебная защита прав местного самоуправления // Государство и право. 2009. № 11. С. 12.

¹⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2002 г. № 7-П // СЗ РФ. 2002. № 14. Ст. 1374.

¹⁵ СЗ РФ. 1998. № 42. Ст. 5211.

¹⁶ См., например: Постановления Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П (СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1749); от 14 мая 1999 г. № 8-П (СЗ РФ. 1999. № 21. Ст. 2669).

¹⁷ *Лушиников В.А.* Процессуальная правосубъектность государственных и муниципальных унитарных предприятий и учреждений в конституционном судопроизводстве // Закон. 2006. № 11. С. 12-14.

КОНКУРЕНЦИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КРУПНОГО И МАЛОГО БИЗНЕСА

© 2011 А.А. Вдовенко

кандидат экономических наук

Тверской государственной университет

E-mail: A-Vdovenko@yandex.ru

В настоящее время многие исследователи предлагают объединить крупный и малый бизнес в рамках различных форм коопераций или кластеров с целью роста сектора малого бизнеса. Однако это приведет к еще большей монополизации на рынке и отрицательно скажется на независимом малом бизнесе.

Ключевые слова: малый бизнес, монополизм, крупный бизнес, конкуренция, государственная поддержка.

В настоящее время многие отечественные авторы предлагают объединить крупный и малый бизнес в рамках различных форм кооперации. Это может быть субподряд, франчайзинг, франшиза или объединение в форме производственных кластеров, где малые фирмы работают совместно с крупными над общим проектом, и другие формы объединений.

В условиях кризиса и нестабильной конъюнктуры рынка особую актуальность приобретает интеграция венчурного бизнеса с крупными промышленными предприятиями. Такие управленческие инновации позволяют выжить сегменту малого и среднего бизнеса в условиях нестабильной, изменяющейся внешней среды¹. В случае постоянных и длительных связей с крупной компанией последняя снабжает мелкие предприятия новой техникой, оборудованием или содействует в их приобретении, предоставляет сырье и материалы, способствует внедрению новых технологических процессов, помогает получить кредит².

Данная схема развития позволяет избежать многих трудностей и решает некоторые проблемы малого бизнеса. Малое предприятие в конечном итоге становится дочерним предприятием крупного бизнеса, причем оно сохраняет свою формальную независимость. По своим основным признакам это малое предприятие и учитывается государственными органами таковым, но не является малым *по сути*.

Данная схема становится для малого бизнеса весьма выгодной, поскольку позволяет избавиться от ряда проблем. В первую очередь, решаются финансовая и некоторые другие проблемы, такие как обеспеченность ресурсами, заказами, оборудованием, организации труда и управления и др. Это будет способствовать росту численности сектора малого бизнеса, его относительной устойчивости, стабиль-

ности его развития, росту занятости в данном секторе, что будет являться, безусловно, положительным моментом. Такая форма развития крупного и малого бизнеса будет иметь кратковременный положительный эффект.

Однако в подобной схеме развития есть, по нашему мнению, существенный изъян. Малый бизнес *сам по себе* есть некая конкурентная среда, если он является *независимым как таковым*. Именно малый бизнес создает независимую конкурентную среду.

Малый бизнес - это и есть собственно рынок, так как эффективность рыночной составляющей оптимальной системы прямо пропорциональна количеству ее участников. И если Россия хочет иметь экономику, сопоставимую по эффективности с Японией, США, единой Европой, то она должна сама (или в рамках подобию Общего рынка) располагать (достаточным) количеством независимых хозяйственных субъектов³.

Таким образом, в случае объединения крупного и малого бизнеса мы получим еще большую монополизацию, где главную роль будет играть крупный бизнес, так как капитала у него больше. Конкурентная среда в свободной форме существенно сузится. Если ранее малый бизнес в нашей стране создавался путем искусственного дробления крупных предприятий на малые и создания таким принудительным, административным способом сектора малого бизнеса, то теперь процесс приобретает иную форму. Крупный бизнес на основе "сотрудничества" поглощает малый, и малые фирмы вновь объединяются, но уже под началом головной крупной фирмы. Они являются независимыми лишь формально, поскольку полностью финансово и технологически зависят от крупной головной фирмы. Это своего рода

обратный процесс “объединения фирм”, но форма объединения другая. Мы получаем монополизированный рынок, похожий на тот, который был ранее, когда малого бизнеса, по сути, как такового не было. Он фрагментарно присутствовал лишь в торгово-посреднической (спекулятивной) сфере и был зачастую неформальным.

На бывших государственных, а теперь в большинстве случаев акционерных предприятиях монополизм никуда не девался. Меры по приватизации лишь сменили собственника, разорвали бывшие производственные объединения на самостоятельные предприятия из прежних подразделений, сократили объем производства, но никакой конкурентной среды так и не создали⁴.

Процесс объединения крупного и малого бизнеса на основе различных кооперационных соглашений наблюдается и в европейских странах. Но на Западе иная рыночная ситуация. Конкуренция там изначально существовала длительный временной период, еще до появления крупного бизнеса, соответственно, длительно формировалось и законодательство, а с появлением крупного бизнеса и монополий конкуренция стала охраняться государством. Кооперационные сделки жестко регулируются на предмет монополизма и ограничения конкуренции. В результате всеобъемлющих мер государства (всяческое ограничение монополий, поддержка малого бизнеса, контроль слияний и поглощений и др.) сохраняется конкурентная среда. Крупный бизнес не навязывает свои условия в жесткой форме малому бизнесу вследствие влияния государства. У нас же изначально не было конкурентной среды, а была жесткая административно-командная монополия система, малый бизнес существует относительно короткий промежуток времени и система его поддержки и защиты от монополий далеко не идеальна. Это ставит его в уязвимое положение в сфере “сотрудничества” с крупным бизнесом и финансово-промышленными группами.

Данная схема не принесет ожидаемого положительного эффекта. Будет отсутствовать свободный, конкурентный рынок со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Не будет стимулов к развитию, так как *новых* конкурентов не будет. Будут отсутствовать стимулы к инновациям, поскольку в подобных условиях необходимости в них не будет. Это будет сохранять существующий технологический уклад и не позволит перейти экономике на новую, инновационную основу. Работать в сфере инноваций в нашей стране невыгодно. Если в добы-

че полезных ископаемых рентабельность по проданным товарам (работам, услугам) колеблется на уровне 30 %, а по активам - на уровне 12-13 %, то в отраслях, создающих нововведения (машиностроение, производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования), - на уровне, соответственно, 8-9 и 6 %. Спрос на инновации со стороны крупного бизнеса практически отсутствует⁵.

Таким образом, мы всего лишь консервируем старый технологический уклад, тот, который существует у нас сейчас, и тот, который был у нас ранее, “заворачивая” его в новую экономическую обертку. Подобное существование старых форм в новом экономическом пространстве не даст положительного эффекта. Кластеры, различные кооперационные объединения не дадут желаемого результата, поскольку диктовать условия будет крупный бизнес. А развивать ему малый бизнес как таковой незачем, так как конкуренты ему не нужны.

По нашему мнению, вышеуказанные объединения крупного и малого бизнеса не дадут ожидаемого положительного результата, а принесут лишь краткосрочный эффект. Конечным результатом этого процесса будет усиление крупных монопольных структур, а не развитие конкуренции. К подобного рода объединениям следует подходить с большой осторожностью. Поэтому в данной сфере необходим дополнительный контроль государства и прямая поддержка государством малых независимых инновационных фирм.

¹ Аникеева А.В. Региональные аспекты слияний и поглощений предприятий как инструмент повышения инновационной активности // Инновационное развитие региональной экономики: состояние, проблемы, перспективы: сб. науч. тр. Ярославль, 2008. С. 73.

² Басов С.В., Шульгина Н.С. Становление совокупного предприятия как новой формы концентрации производства // Россия в экономических системах всемирного хозяйства: XXI век - судьба крупного бизнеса (экономические очерки) / под ред. М.А. Терентьева. Ярославль, 2006. С. 58.

³ Комков Н.И., Кулакин Г.К., Мамонтова Н.Г. Анализ состояния малых предприятий в РФ и условий их развития // Проблемы прогнозирования. 2011. № 2. С. 125.

⁴ Гордеев В.А. Трансформация конкуренции в современном крупном бизнесе // Россия в экономических системах всемирного хозяйства: XXI век - судьба крупного бизнеса (экономические очерки) / под ред. М.А. Терентьева. Ярославль, 2006. С. 70.

⁵ Сорокин Д. О стратегии развития России // Вопр. экономики. 2010. № 8. С. 32-33.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА КАЧЕСТВА СТРАТЕГИИ КОМПАНИИ

© 2011 А.Ю. Горохов
E-mail: OET2004@yandex.ru

Статья посвящена методикам оценки качества стратегии развития промышленных компаний.

Ключевые слова: стратегия, качество стратегии развития.

Для определения качества стратегии можно применить следующий порядок расчета. Прежде всего, рассчитываются ускорения темпов изменения показателей нормативной системы по фактическим данным отчетного периода. Полученные значения ускорений упорядочиваются (ранжируются): первый ранг присваивается показателю с наибольшим ускорением темпа развития, второй - показателю, с величиной ускорения, меньшей, чем у первого показателя; аналогично определяются последующие ранги. При равенстве ускорений темпов у двух и более показателей они ранжируются в порядке приоритетов, установленных нормативной системой (т. е. так, как это определили эксперты). После этого производится сравнение фактического упорядочения показателей с их эталонным соотношением, и для одной из формул ранговой корреляции оценивается степень их близости. Данная оценка и является искомым показателем уровня качества маркетинговой стратегии управления. В реальных условиях имеют место недостаточность ресурсов и другие проблемы реализации стратегии, поэтому высшая оценка практически невозможна.

Для оценки величины отклонения фактического порядка ускорений показателя развития от эта-

лонного часто используется коэффициент ранговой корреляции Кендэла и Спирмэна, позволяющий сопоставить два ранговых ряда по инверсиям (перестановкам) их элементов и разности между номерами одинаковых элементов в различных рядах.

Проведенные расчеты по совокупности обследованных компаний за период с 2002 по 2007 г. позволили сделать вывод о достаточно стабильном уровне качества стратегии (см. таблицу). Здесь увеличение коэффициента результативности в одном периоде хотя и чередовалось с уменьшением в последующем, однако амплитуда колебания была незначительной.

Анализ выявил изменчивость качества стратегии в диапазоне (0,358;0,550), т.е. оценка близка к среднему значению. Между тем представленные расчеты приводились за период с 2002 по 2007 г., и невысокая оценка результативности была связана с тем, что изменилось ранжирование ускорений показателей в сравнении с прошлым периодом. Такой подход дает первоначальную ориентировку в новых условиях развития компаний. Таким образом, выявлено, что достижение наилучшего результата стратегического маркетинга непосредственно связано с ориентацией на упорядочение движения стратегической

Оценка качества стратегии управления (2002-2007 гг.)

Показатель	Нормативный порядок темпов	Фактическое упорядочение темпов					
		2002	2003	2004	2005	2006	2007
1. Уровень обеспеченности ресурсами	1	7	9	2	8	8	5
2. Уровень использования технического потенциала	2	4	7	10	4	1	10
3. Объем использования кадрового потенциала	3	6	6	9	1	7	6
4. Объем дебиторской задолженности	4	5	2	4	10	3	3
5. Объем кредиторской задолженности	5	8	5	6	6	2	9
6. Уровень потерь	6	9	1	8	9	6	2
7. Запасы готовой продукции на складах	7	2	3	1	7	10	1
8. Уровень снижения затрат	8	1	4	3	2	9	4
9. Объем реализации продукции	9	10	8	5	5	4	8
10. Длительность оборота	10	3	10	7	3	5	7
11. Оценка качества	11	0,232	0,263	0,223	0,229	0,264	0,256

системы показателей. Концентрация информации об условиях развития компании в виде стратегической системы показателей обеспечивает контроль за управленческими решениями при реализации маркетинговой стратегии. Предложенные показатели могут составить формализованную модель, которая позволит приближенно оценить качество процессов адаптивного стратегического маркетингового управления.

Система критериев формализованной оценки составляет комплекс показателей, который должен быть обеспечен соответствующими расчетами и иметь необходимые алгоритмы машинной реализации. При эффективном его использовании по программе Project Expert можно обеспечить “проигрывание” сценариев развития и оценку показателей в перспективе. Оценкой эффективности заканчивается реализация маркетинговой стратегии управления в промышленной компании*.

Таким образом, анализ показывает целесообразность разработки формального аппарата оценки на базе показателей, которые изучены и обоснованы автором. При оценке качества маркетинговой программы развития компании необходимо рассматривать возможность ее оптимизации в будущем.

Оценка эффективности той или иной программы в каждом конкретном случае должна опираться на контрольный список определяемых коэффициентов, утверждаемый в зависимости от поставленных целей.

Для фармацевтического бизнеса характерен синтез различных коэффициентов при принятии каких-либо управленческих решений: чем больше факторов учтет управляющий, тем успешнее будет маркетинговая деятельность компании.

При анализе качества стратегии управления полезно рассматривать динамику объема рынка в целом. Поэтому можно использовать следующие вспомогательные отношения:

* Обычно под эффективностью понимают изменение следующих параметров: количества всех клиентов, количества новых клиентов, количества счетов, общей суммы продаж. Помимо этих основных параметров, могут быть дополнительные, которые для конкретных случаев обеспечивают большую точность определения эффективности, лучшую чувствительность по отношению к малым изменениям объема рекламы или же более оперативно реагируют на эти изменения. К дополнительным параметрам могут относиться: новые клиенты, привлеченные под влиянием рекламы; новые клиенты, привлеченные определенным рекламным носителем (печатные СМИ, Интернет и т.д.); новые клиенты, привлеченные за счет выставок и других мероприятий.

а) отношение $\Delta M = M_1 - M_0 \rightarrow$ к нулю (где M_0 и M_1 - совокупные объемы рынка до и после рекламной кампании, на которых оперирует фирма). Это показывает, на каком рынке находится компания: на растущем ($\Delta M > 0$), стабильном ($\Delta M = 0$); или падающем ($\Delta M < 0$);

б) отношение $\frac{\Delta X_i}{\Delta M} \rightarrow$ к единице (отображает скорость роста фирмы по отношению к общей динамике рынка), где X_i - совокупные продажи товара в натуральном выражении.

С точки зрения доли на рынке существует ряд моделей, которые могут помочь при анализе качества маркетинговых программ. С точки зрения эффективности инвестированных в рекламу средств можно анализировать модель Д. Литтла.

При исполнении плана программ компании “Инфамед”, в первую очередь, следует учитывать ее основные маркетинговые цели, а именно: повышение узнаваемости фирмы и ее благоприятного восприятия потребителями; расширение собственной клиентской базы и повышение уровня продаж; расширение ассортимента и спектра лекарственных препаратов.

Установление целей, как известно, способствует определению целевой аудитории и ее характеристик. Использование компанией “Инфамед” маркетинговых коммуникаций, прежде всего, нацелено на формирование положительного восприятия целевой аудиторией, запоминание компании, выделение ее на фоне основных конкурентов и тем самым увеличение числа потенциальных клиентов (повышение количества обращений).

Следующей задачей является выбор комплекса средств коммуникации, с помощью которых компания планирует максимально эффективно донести сообщение до целевой аудитории.

Поскольку в настоящее время компания “Инфамед” находится в стадии своего интенсивного развития, наиболее эффективными маркетинговыми коммуникациями будут реклама, обеспечивающая информацию о самой компании, ее товарах, а также личные продажи и стимулирование сбыта*.

* Основными средствами рекламирования для компании является Интернет и печатные СМИ (специализированные отраслевые и деловые журналы). Использование Интернета, прежде всего, обуславливается наличием собственного Web-сайта компании и его рекламированием посредством различных ресурсов сети: отображением на первых 5-10 позициях по результатам запроса по ключевым словам в поисковых системах Yandex, Rambler, Google, размещением на привилегированных позициях в интернет-каталогах компаний, предоставляющих корпоративные услуги в сфере IT.

Для рекламирования в средствах массовой информации всегда целесообразно определить наиболее предпочитаемые целевой группой издания. Предпочтения интересующей компанию целевой аудитории относительно специализированных периодических изданий отображает база данных National Readership Survey.

С точки зрения общих профессиональных интересов потенциальных клиентов компании “Инфамед” наиболее востребованными являются деловые издания: “Эксперт”, “Коммерсант-Деньги”, “Секрет фирмы”, журналы, посвященные медицинской тематике.

Исходя из особенностей деятельности ЗАО “Инфамед”, для рекламирования самой компании, а также ее товаров целесообразнее всего использовать стимулирующую рекламу с элементами имидж-рекламы. В такой рекламе важно показать основные преимущества товаров, которые предлагает компания “Инфамед” и не предлагают (или предлагают в меньшем объеме) другие фирмы.

На данном этапе развития компании “Инфамед” одним из основных видов маркетинговых коммуникаций, используемых в целях продвижения своих товаров, являются продажи, которые производятся на постоянной основе собственными усилиями. Данный вид коммуникации осуществляется посредством поиска потенциальных клиентов (Интернет, профильные выставки и т.д.) и предложения своих товаров, а также посредством постоянного поддержания двухсторонней связи. Стимулирование сбыта фирма проводит через систему скидок, в зависимости от объемов продаж и количества обслуживаемых рабочих единиц компании-клиента.

Осуществляемая компанией “Инфамед” в настоящий момент успешная интеграция всех составляющих маркетинговых коммуникаций является при заданном маркетинговом бюджете жизненно важным аспектом и должна учитываться на любом этапе деятельности фирмы*.

* В течение ноября 2007 г. была проведена специальная рекламная акция по стимулированию продаж лекарства “Мирамистин” общей стоимостью 4 тыс. долл. ($I = 4$). В результате востребованность лекарства возросла и составила 17 объектов ($X_1 = 17$). При этом прогноз на данный период составлял 10 объектов ($X_0 = 10$). Разница (ΔX) составила 7 сверхплановых объектов, которые компания (при неизменных влияющих на продажи параметрах) реализовала дополнительно к прогнозируемому числу благодаря локальной рекламной кампании, получив значительную эффективность.

Для оценки качества методов коммуникаций часто используется метод анкетирования потребителей. Специфика деятельности компании “Инфамед” - предоставление лекарственных препаратов - позволяет считать метод анкетирования достаточно точным.

Для анализа рекламных кампаний в Интернете для компании “Инфамед” целесообразным будет совместное использование метода ключевых страниц и метода заинтересованной аудитории. Данные методы позволят определить источники, приведшие на сайт фирмы целевых посетителей, эффективность позиционирования сайта по тем или иным ключевым словам в поисковых системах, качество размещения партнерских ссылок и т.д.

Для того чтобы стратегические программы компании “Инфамед” стали действенным инструментом управления и достижения поставленных перед компанией маркетинговых целей, необходимо каждый раз учитывать недостатки предыдущих программ и обеспечивать более высокую их целенаправленность, скоординированность и контроль. В соответствии с этим целесообразно было бы использовать модель внедрения маркетинговых программ, представленную на рисунке.

Данная модель определяет состав разделов программы и требования к их содержанию. Основные из этих требований касаются: структурирования и ранжирования по значимости задач компании; обоснования выбора стратегии исходя из оценки возможностей компании; обоснования комплекса коммуникаций, оценки ожидаемых результатов их применения, а также координации связей между ними; планирования ресурсного обеспечения программы; прогнозирования ожидаемых результатов программы; распределения ответственности за реализацию программы, построения механизмов контроля, анализа хода работ, а также принятия решений по корректировке программы в случае необходимости.

В целом, качественные стратегические программы управления компанией призваны обеспечивать устойчивое положение компании на рынке высокой конкуренции, стабильное финансовое состояние, отлаженную корпоративную технологию и прочие положительные атрибуты деловой активности, а также элитные формы ведения бизнеса.

Выявленные в настоящем исследовании разработки внедрены в практику деятельности ЗАО

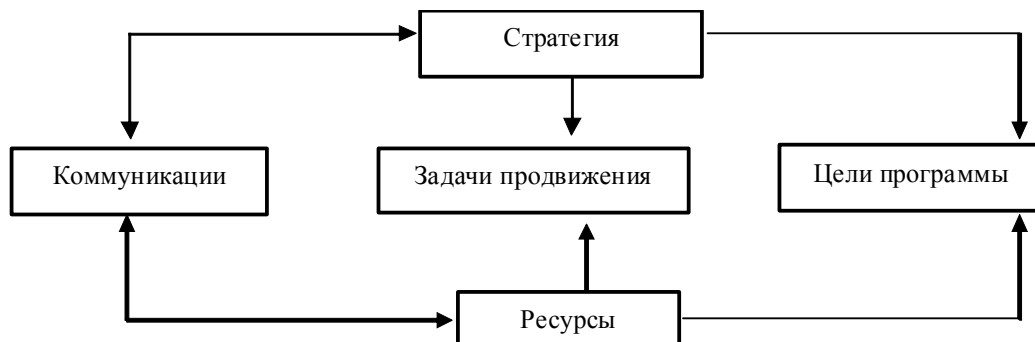

Рис. Модель внедрения маркетинговых программ

“Инфамед”. С участием предложенных методических подходов реализованы некоторые разделы маркетинговых исследований рынков лекарственных препаратов. Разработанные подходы применены при проведении сегментации целевых рынков товаров фармацевтической промышленности.

Разработанный в процессе исследования инструментарий был использован для оптимизации сбыта продукции ЗАО “Инфамед”, которая реализует свою продукцию конечным потребителям с помощью ряда коммерческих посредников. Для улучшения сбыта продукции данной компании было рекомендовано провести оптимизацию маршрутных карт с помощью методов маркетинговой логистики, оптимизацию работ и планирования выполнения заказов с помощью внедрения автоматизированной системы учета складских запасов.

В результате осуществлена разработка апробированного практикой алгоритма персональной продажи промышленной продукции. Данный алгоритм включает в себя поиск покупателя, создание отношений, выявление критериев покупки, оценку конкурентов, создание группы поддержки, разработку плана действий и управление процессом продажи. Указанный алгоритм персональных продаж успешно применен в практической деятельности региональных торговых представительств ЗАО “Инфамед”, а также используется в практике управленческого консультирования ряда отечественных промышленных компаний.

В опубликованной научной литературе отсутствуют подробные алгоритмы рекламной деятельности, которые могли бы быть применены промышленными компаниями, производящими фармацевтическую продукцию при использовании широкого спектра разнообразных и современных рекламных средств.

Наиболее полная схема планирования рекламной деятельности компании должна содержать такую последовательность этапов: установление це-

лей рекламы, определение бюджета, выбор темы и девиза рекламы, создание рекламного образа, учет эффектов и правил рекламы, определение средств рекламы, разработку творческой стратегии и оценку эффективности рекламы.

Указанный алгоритм рекламной деятельности реализован автором и его сотрудниками при подготовке рекламной кампании ТМ “Мирамистин”. Применение данной схемы продемонстрировало обоснованность использования современных экономических подходов при планировании рекламной деятельности промышленных компаний. Результаты проведенного обследования ряда промышленных фирм выявили актуальную потребность в развитии данного вида продвижения субъектами отечественного промышленного рынка. Полученные результаты свидетельствуют о все еще низком использовании потенциалов маркетингового инструментария по различным разделам маркетингового управления. Так, практически не задействованы потенциалы маркетинговых информационных систем и инструментов стимулирования сбыта продукции. Особенно наглядно низкий уровень использования потенциала маркетингового инструментария выявлен в сравнении с полным интегральным потенциалом маркетингового инструментария. Указанное сопоставление определяет значительные резервы отечественных промышленных компаний по применению современных экономических подходов в практике стратегического маркетингового управления.

Исследование вопросов формирования внутренних и внешних товарных рынков фармацевтической промышленности позволяет обосновать вывод о необходимости развития внутренних товарных рынков в качестве основы роста промышленного производства.

Таким образом, управление способно быть эффективным инструментом формирования и реализации стратегии развития компании, дает возмож-

ность более качественного использования ее управленческого и производственного потенциала.

Практика проведения рыночных исследований позволяет обобщить наиболее типичные методические ошибки, встречающиеся при постановке задачи; сборе информации; анализе рынка; оценке объема рынка; выборе перспективных потребительских и территориальных рынков; изучении потребителей.

В ходе развития концепции качественного стратегического управления, адаптированного к российским условиям, с привлечением фактографического материала ряда российских компаний идея «встраивания» экономической и технологической структуры развивающейся компании во внешнюю среду была выдвинута и обоснована, что позволило исследовать систему требований и принципов, отвечающих идеям стратегического маркетингового управления в условиях системных рыночных изменений. В целом, вне зависимости от ориентации инструментов в России должен быть единый, т.е. качественного адаптивного маркетингового управления. Маркетинг должен стать основой предпринимательских стратегий, приносить прибыль, координировать действия служб и подразделений, идентифицируя и удовлетворяя нужды потребителей.

Наиболее слабым и уязвимым инструментом управления в российской промышленности является реклама, которая во многих случаях приобрела сугубо коммерческо-обогащительный характер. Следует отказаться от упрощенной формы оценки и классифицировать рекламу как сложный многоплановый процесс в зависимости от аудитории, видов рекламодателей, средств массовой информации, функций и целей. Назрела необходимость разработать кодекс рекламы, многие аспекты такой деятельности закрепить в законодательном порядке.

Исследование потенциала, проведенное на примере ряда компаний фармацевтической промышленности, показало его возможность отвечать современным рыночным условиям. Одновременно налицо и слабые стороны фармацевтического производства. Так, недостаточность материальных и кадровых ресурсов определяет отсутствие в структуре компании «Инфамед» развитых отделов маркетинга и рекламы, что является причиной сочетания в лице управляющего функций как директора, так и многих других, в том числе и функций маркетинг-директора.

Таким образом, одним из главных условий «выживания» промышленной компании и ее развития в сегодняшней российской конкурентной среде является применение качественных маркетинговых про-

грамм, под которыми понимается разработка, внедрение и постоянное совершенствование системы маркетинговых инструментов и стратегического маркетингового управления в соответствии с развитием маркетингового потенциала компании, возможностями и тенденциями обслуживаемого рынка. Данные программы нацелены на формирование благоприятного имиджа компании, усиление акцента на ее конкурентных преимуществах, с ориентацией на тенденции развития рынка и основных конкурентов.

Концепция формирования качественных программ для промышленной компании, в первую очередь, нацелена на ее обеспечение необходимой информацией о внутренней и внешней среде, о факторах влияния на развитие в аспекте предоставления совокупной потребительской ценности, что является базисом для принятия качественного управленческого решения.

Концепция формирования адаптивных программ стратегического развития выделяется в качестве главного пункта стратегии компании, что обусловлено следующим обстоятельством. Маркетинговые успехи промышленных компаний в большинстве случаев являются результатом концентрации собственных преимуществ против слабых сторон конкурентов. В процессе анализа состояния конкурентов основной целью выступает получение информации по следующим направлениям: цели, стратегии, возможности конкурентов, используемые конкурентами маркетинговые коммуникации. Данные аспекты являются факторами внешней контролируемой микросреды маркетинга, и их умелое использование служит основой формирования успешной стратегии компании.

Структура качественных программ управления компанией для их эффективного воплощения на практике требует соответствующим образом сформированного организационного обеспечения и контроля над внедрением. Особое место принадлежит правильной организации рекламных коммуникаций, что позволяет существенно повысить эффективность и сократить риски, связанные с вложениями в продвижение товаров, а также улучшить качество рекламных прогнозов, что является на сегодня одной из наиболее актуальных проблем в развитии фармацевтической промышленности.

1. Ансофф И. Стратегическое управление. М., 1999.

2. Карлоф Б. Деловая стратегия: пер. с англ. М., 2001.

**ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ.
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО**